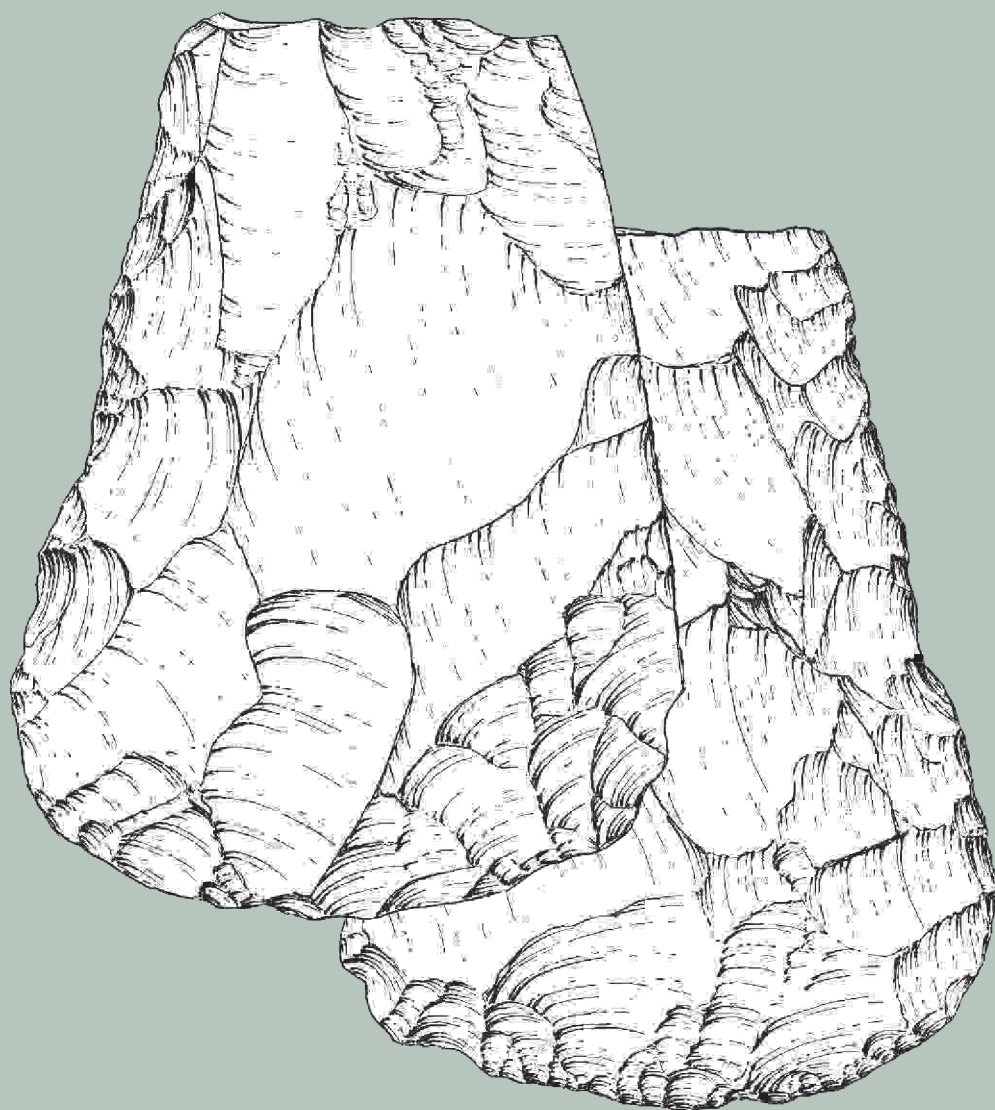

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск XII

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск XII

Красноярск
СФУ
2024

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.442(253)
Д730

Редакционная коллегия: *П. В. Мандрыка*, доктор исторических наук (ответственный редактор); *К. В. Бирюлева*; *П. О. Сенотрусова*, кандидат исторических наук

Рецензенты:

А. В. Харинский, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Иркутского государственного технологического университета;

З. Ю. Жарников, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в археологии и истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Д730 **Древности Приенисейской Сибири** : сб. науч. тр. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Вып. XII. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2024. – 192 с.

ISBN 978-5-7638-4967-7

Представлены статьи по археологии Красноярской, Канской и Ачинской лесостепи, отрогов Восточного Саяна, Нижнего Приангарья, Забайкалья и Тувы. В них отражены проблемные вопросы и новые материалы об истории науки, каменном, бронзовом и раннем железном веке, Средневековье.

Предназначен для археологов, историков, краеведов и интересующихся историческим прошлым народов Северной Азии.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.442(253)

ISBN 978-5-7638-4967-7

© Сибирский федеральный университет, 2024

А. Н. Васильев

Высшая школа экономики, г. Москва

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛИТАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ТУВЫ В КЫРГЫЗСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос критериев выделения элитарного погребально-го комплекса в кыргызских памятниках Тувы. Взгляд на погребение как на феномен культуры позволил отказаться от прямых экстраполяций состава инвентаря на материальный уровень погребенных. В выделенном отдельно микрорегионе Центральной Тувы рассмотрен состав трех погребальных памятников – Эйлиг-Хем III, Аймырлыг II и Тора-Тал-Арты. При близости могильников друг к другу по обряду и времени создания (IX – начало XI в.), сопоставление инвентаря позволило выделить три социальные страты – рядовые погребения, погребения с воинским комплексом и элитарные захоронения, отличающиеся особым богатством инвентаря и наличием в нем специфических ценных предметов – «комплекса богатства». В качестве значимых признаков социального ранжирования погребенных также были выделены размеры надмогильной насыпи и местоположение могил среди погребальных сооружений предшествующих эпох в составе одного могильника. Данные этих показателей отличаются от аналогий в Минусинской котловине и, соответственно, могут рассматриваться как элементы специфически тувинского комплекса культурных представлений енисейских кыргызов.

Ключевые слова: енисейские кыргызы, Тува, элитарные погребения, курганный могильник, Эйлиг-Хем III, Аймырлыг II, Тора-Тал-Арты.

С момента выхода в 1998 г. издания «Енисейские кыргызы в центре Тувы» за могильником Эйлиг-Хем III прочно закрепилось определение элитного, а захороненных в нем людей – как кыргызской знати [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 26; Худяков, 2003, с. 13–18]. Впрочем, нигде в литературе, посвященной енисейским кыргызам в Туве, не рассматривался отдельно вопрос критериев определения элитарного характера того или иного погребения или могильника в целом. Приступая к обсуждению этого вопроса, исследователям следует разделять понятия «*элитарный комплекс*» и собственно «*социально-политическая элита*» как отражение двух реальностей – археологической и исторической [Элита в истории..., 2015, с. 16].

Кыргызские погребения на курганных полях Улуг-Хорум и Бедиг-Хорум датированы довольно узким промежутком: концом X – началом XI в. [Кызласов, 1983, с. 48]. На это время приходится начало тех изменений в истории енисейских кыргызов, которые получили наименование аскизской культуры, либо периода «сууктэр». Хотя могильник Эйлиг-Хем III был отнесен И. Л. Кызласовым к аскизской культуре XI–XIV вв., искать типологические аналогии для социального ранжирования, на наш взгляд, следу-

ет в памятниках более раннего времени, в сер. IX–X в.: именно тогда в Центральной Туве функционировала полития, известная сейчас как Кыргызский каганат – в ней происходило формирование сети культурных и социальных установок, в которых жили погребенные в эйлиг-хемских курганах лица. Вопрос о том, можно ли рассматривать собственно погребенных в курганах *элитариев* (термин, предложенный А. С. Щавелевым для носителей элитного статуса, выделяемых по погребальным комплексам [Щавелев, 2022]) и лиц, соорудивших эти погребения, как носителей одного статуса, нуждается, строго говоря, в отдельной аргументации. В нашем случае, несмотря на «формальную» смену археологической культуры, ярко выражен (и подчеркивается самим автором типологии, И. Л. Кызласовым) ряд преемственных характеристик. Другим фактором, позволяющим обосновать сравнение эйлиг-хемских элитариев с предшественниками, является наличие возле их курганов поминальных стел с тамгами и надписями – этот маркер культурной и политической традиции тюркского мира к XI в. начал деформироваться и исчезать в Туве [Кызласов, 1983, с. 21, 51], эйлиг-хемские эпитафии – поздние образцы этой традиции. Таким образом, можно утверждать, что аналогии эйлиг-хемских погребений есть смысл искать именно в предшествующих кыргызских памятниках, к традиции которых они тяготеют, – поздние аскизские древности, хотя и родственны им, несут на себе следы новых традиций и связанных с ними политических реалий.

В литературе можно найти чрезвычайно обширный перечень признаков, по которым то или иное погребение может быть классифицировано как «элитное»: его должны отличать монументальность и сложность надмогильных конструкций; сложность внутримогильной конструкции; сопроводительные человеческие жертвоприношения; большое количество сопроводительных захоронений жертвенных животных; повышенное количество инвентаря, в котором отмечен вещевой комплекс «элиты», включающий в себя престижные вещи (оружие, упряжь), предметы роскоши, импортные и золотые изделия; космологическая система организации сакрального пространства из кругов и квадратов; особенная сложность и продолжительность погребального ритуала [Элита в истории..., 2015, с. 15]. Для отдельных археологических культур ранних кочевников – карасукской культуры [Марсадоллов, 1997, с. 96–99], причерноморских скифов [Болтрик, Фиалко, 1994, с. 49–52] – существуют целые типологии рангов «элитности», основанные главным образом на размерах погребальных насыпей. Однако для раннесредневековых культур тюркского круга характерен в целом сравнительно более скромный вид: «расчетливая зрелость», по поэтической характеристике В. М. Массона, сменяет «неразумное детство раннеклассовых образований» в угоду практическим соображениям об экономии ресурсов [Массон, 1976, с. 176].

На малую продуктивность сравнения внешних признаков погребений даже в рамках одной культуры – древних тюрков – указывает и Н. Н. Серегин: в гораздо большей степени на размеры насыпи оказывали влияние ландшафт, состав грунта и время года; отвергается в качестве показательного маркера элитарности и число конских останков, что подтверждается выражено высокостатусными погребениями с «ря-

довым» числом в 1–2 лошади. Основным показателем должен выступать, согласно исследователю, состав погребального инвентаря [Серегин, 2013, с. 74–75; Элита в истории..., 2015, с. 133–134]. Внутри него предлагается выделить две особые категории – маркеры престижа: «комплекс власти» – мечи, кинжалы, копья, боевые топоры, плети, доспехи, и «комплекс богатства» – наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, шелковую одежду [Элита в истории..., 2015, с. 134].

Ориентируясь на эту модель, следует рассмотреть материалы Эйлиг-Хем III в сравнении с другими кыргызскими памятниками Тувы: Аймырлыг II и Тора-Тал-Арты, как хорошо исследованных и содержательных: оба они расположены в степной зоне Центральной Тувы, к югу от Саянского каньона, на левом берегу р. Енисей, на берегу р. Чаа-Холь и р. Хемчик соответственно (рис. 1).

Могильник Аймырлыг II расположен на р. Чаа-Холь в 10 км от ныне затопленного пос. Старый Чаа-Холь. Расстояние от могильника Эйлиг-Хем III на противоположном берегу Енисея по прямой составляет 25,5 км. Памятник был раскопан в 1972–1978 гг. отрядом СТЭАН под руководством Б. Б. Овчинниковой. Могильник представлял собой 4 обособленных группы разновременных курганов, из которых была полностью вскрыта и изучена только группа III из 45 сооружений – так называемое «дружинное кладбище» енисейских кыргызов [Овчинникова, Длужневская, 2000, с. 5].

Могильник Тора-Тал-Арты расположен в 86 км на запад от Эйлиг-Хем III на берегу р. Хемчик, также на левобережье Енисея. Памятник насчитывает около 200 курганов разных эпох, среди них в 1959 г. были вскрыты и изучены 10 погребений по обряду трупосожжения, идентифицируемые как кыргызские и датируемые IX–X вв. [Нечаева, 1966, с. 108–142].

Оба комплекса так же, как и Эйлиг-Хем III, представляют собой погребальные поля с разновременными курганами. Енисейские кыргызы в Туве, как и на других территориях своего распространения за пределами «митрополии», предпочитали создавать свои кладбища среди более древних могильников, в т. ч. продолжавших использоваться «коренным» населением в период кыргызского господства: на Алтае отмечено соседство кыргызских погребений с синхронными им сrostкинскими и древнетюркскими [Дашковский, 2015, с. 118–120]. При этом в Минусинской котловине такой тенденции не прослеживается: «дружинные» могильники на р. Аскиз, ставшие эпонимными для периода XI–XII вв., не имеют в своем составе погребений предшествующих периодов [Кызласов, 1975]. В то же время известны и примеры объектов, где кыргызские могильники разных эпох и предшествующих культур сосуществуют вместе: это археологический комплекс у г. Тепсей, где возможно проследить практически непрерывную последовательность культур раннего железного века и Средневековья (Тепсей-III). При этом на г. Тепсей есть и отдельные группы кыргызских курганов: это памятники Тепсей-II и Тепсей-XI, первый из которых отнесен к предмонгольскому времени XI–XII вв. [Комплекс археологических памятников..., 1979, с. 9–10, 18, 146–159].

Рис. 1. Микрорегион Центральной Тувы и памятники Эйлиг-Хем III, Аймырлыг II и Тора-Тал-Арты 1

Таблица 1

Кыргызские погребения могильников Центральной Тувы – Аймырлыг II, Тора-Тал-Арты и Эйлиг-Хем III

Погребения участка III могильника Аймырлыг II								
№ кургана	Диаметр насыпи	Высота кургана (max.)	Глубина погребальной ямы	Сопроводительный инвентарь				
				Останки	Конское снаряжение	Поясная гарнитура	Оружие, инструмент	Прочее
1	1,6 м	0,5 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	2 стремени, удила с псалями	-	-	
2	2,5 м	1 м	На уровне дневной поверхности (инвентарь – 0,4 м)	Кремация	2 стремени, удила с псалями	Обойма	-	
3	2,5 м	0,6 м	0,3 м	Кремация	Удила с кольцами, 1 стремя	-	Нож	
4	2,5 м	0,5 м	На уровне дневной поверхности	Кремация, тризна	2 стремени, удила с кольцами		Нож, 2 наконечника стрел	
5	1,2 м	0,5 м	-	-	-	-	-	
6	1,6×1,2 м	0,5-0,8 м	0,2 м	-	-	Наконечник ремня	Нож	
7	0,8×0,6 м	0,3 м	-	-	-	-	-	
8	1,4 м	0,5 м	-	-	-	-	-	
9	1,8 м	0,5 м	-	-	-	-	-	
10	1,6×1,2 м	0,5 м	На уровне дневной поверхности	-	-	-	Нож	
11	1,3×1,5 м	0,5 м	-	-	-	-	-	
12	1,7 м	0,7 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	-	-	5 наконечников стрел, нож, напильник	
13	1,8 м	1 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	-	Железная пряжка	-	
14	1,6 м	0,5 м	0,3–0,8 м	Тризна	-	Бляшка наременная, бляшки-тройники	-	Бронзовое зеркало

Погребения участка III могильника Аймырлыг II								
№ кургана	Диаметр насыпи	Высота кургана (max.)	Глубина погребальной ямы	Сопроводительный инвентарь				
				Останки	Конское снаряжение	Поясная гарнитура	Оружие, инструмент	Прочее
15	1,4 м	0,7 м	На уровне дневной поверхности – до 0,3 м	Кремация	2 стремени, удила с псалями	-	Тесло	Керамика
16	2×1,7 м	1,2 м	-	-	-	-	-	-
17	2 м	0,5 м	0,5 м	Тризна	-	-	-	Керамика
18	1,8×2 м	0,7 м	На уровне дневной поверхности – до 0,15 м	Кремация	-	-	Нож	Керамика
19	2,2×2,7 м	1 м	0,1–0,15 м	Кремация	-	-	Мусат	-
20	2,7×3 м	1,3 м	На уровне дневной поверхности – 0,2 м	-	-	Бронзовая бляха	-	-
21	1,5 м	0,3 м	-	-	-	-	-	-
22	1,5 м	0,4 м	-	-	-	-	-	-
23	1,5 м	0,3 м	-	-	-	Железная оковка со шпеньками	-	-
24	1,9×2,1 м	0,7 м	0,2 м	Кремация	-	-	-	-
25	1,3 м	0,6 м	0,2 м	-	-	Железная пряжка	Кресало, нож, 2 наконечника стрел	-
26	2,1 м	1,3 м	-	-	-	-	-	-
27	1,8 м	0,8 м	На уровне дневной поверхности – до 0,1 м	Тризна	-	-	-	Зеркало белого металла
28	1×1,3 м	0,4 м	-	-	-	-	-	-
29	1,6 м	0,4 м	-	-	-	-	-	-
30	2,1×2,6 м	0,6 м	0,3 м	Тризна	-	-	Нож, 1 наконечник стрелы	-
31	2 м	0,7 м	0,4 м	Кремация	-	-	Тесло, 2 наконечника стрел	Пуговица

Погребения участка III могильника Аймырлыг II								
№ кургана	Диаметр насыпи	Высота кургана (max.)	Глубина погребальной ямы	Сопроводительный инвентарь				
				Останки	Конское снаряжение	Поясная гарнитура	Оружие, инструмент	Прочее
32	1,4 м	0,5 м	0,4 м	Кремация	Удила	Бронзовая бляшка	3 наконечника стрел	
33	1,5×1,2 м	0,6 м	0,2 м	Кремация, тризна	-	-	-	
34	1,8×2,1 м	0,6 м	-	-	-	-	-	Керамика
35	3×2,9 м	0,6 м	0,5 м	Кремация	2 стремени, удила	-	2 наконечника стрел	Подвеска
36	2 м	0,4 м	-	-	-	-	-	
37	2,85×3,35 м	0,6 м	На уровне дневной поверхности – до 0,2 м	-	-	-	Мусат, 2 наконечника стрел	Керамика
38	2 м	0,5 м	0,1 м	-	-	-	-	Железная оковка
39	2×1,7 м	0,6 м	0,2 м	Тризна	-	-	-	
40	1,6 м	1,1 м	На уровне дневной поверхности	-	-	-	-	Железное изделие (?)
41	1,45 м	0,5 м	-	-	-	-	-	
42	1,7 м	0,6 м	-	-	-	-	-	
43	1,65 м	0,6 м	-	-	-	-	-	
44	2×1,35 м	0,5 м	0,1 м	-	-	-	Нож	
45	1,8 м	0,5 м	-	-	-	-	-	
Погребения с трупосожжениями могильника Тора-Тал-Арты								
СХ-59-4	6,5 м	0,4 м	0,4 м	Кремация, тризна	Удила (?), украшения сбруи, 2 стремени, псалии	Железная накладка, бронзовые и железные обоймы, поясные бляшки, пряжки	11 наконечников стрел, наконечник копья, шарик стрелы-свистунки, крюк от колчана, костяные накладки от лука, доспешные чешуйки, 3 меча, 3 ножа, 2 железных инструмента (?), кресало	

Погребения участка III могильника Аймырлыг II								
№ кургана	Диаметр насыпи	Высота кургана (max.)	Глубина погребальной ямы	Сопроводительный инвентарь				
				Останки	Конское снаряжение	Поясная гарнитура	Оружие, инструмент	Прочее
Погребения с трупосожжениями могильника Тора-Тал-Арты								
СХ-59-6	3,5×4,5 м	0,4 м	0,15 м	Кремация	Костяная застежка от пут	2 поясные бронзовые бляшки	-	2 железных предмета (?)
СХ-59-10	8 м	0,85 м	0,15 м	Кремация	-	Железная бляшка, бронзовые обойма и пряжка, бляшки	-	
СХ-59-11	3,5 м	0,3 м	0,4 м	Кремация	Сбруйные бляшки, зажимы для кистей, скоба	-	-	Железный котел, зеркало
СХ-59-12	4 м	0,4 м	0,3 м	Кремация, тризна	-	-	-	
СХ-59-13	4 м	0,2 м	0,2 м	Кремация	-	Железная пряжка, наременные бляшки, бронзовая и железная обоймы	Костяной шарик-свистунка	
СХ-59-16	3 м	0,4 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	Удила	Железная обойма	Нож	
СХ-59-17	3 м	0,1 м	0,5 м	Кремация	-	Бронзовая обойма, кольцо, поясная бляшка	Меч, наконечник стрелы, чешуйки от панциря, тесло, кресало, железный инструмент (?)	Костяной предмет, железный котел
СХ-59-18	4 м	0,3 м	0,2 м	Кремация	Сбруйная бляшка, железный болт (?)	3 поясные бляшки	Накладка на лук, костяной шарик-свистунка	Костяной предмет

Погребения участка III могильника Аймырлыг II								
№ кургана	Диаметр насыпи	Высота кургана (тах.)	Глубина погребальной ямы	Сопроводительный инвентарь				
				Останки	Конское снаряжение	Поясная гарнитура	Оружие, инструмент	Прочее
Погребения могильника Эйлиг-Хем III								
Курган 1	8,5 м	0,75 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	5 удил, 4 пары псалиев	2 округлые железные пряжки, 14 округлых бронзовых пряжек, бляшки, блок-застежка, 6 наременных наконечников и 4 крюка на пластине, 5 колец, пластина	50 наконечников стрел, кольчуга 2 ножа, кресало	
Курган 2	13,5	1,75 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	4 удил с псалиями 4 пары стремян	9 пряжек, 5 колец, 2 наременных наконечника, обойма, цепочка из 3 звеньев, железная скоба	Копье, нож, сабля арабской работы с остатками ножен, 21 наконечник стрелы, 2 панцирные пластины, мусат	Серебряный кувшинчик на поддоне
Курган 3	10 м	1,1 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	3 удил, 2 пары псалиев, 3 пары стремян, подпружная пряжка	2 бронзовые пряжки, 7 бронзовых бляшек, пряжка с крюком, бронзовое кольцо, наременный наконечник, крюк на пластине, орнаментированная обойма	Палаш с обоймой и наконечником от ножен, 21 наконечник стрел разных типов, 2 панцирные пластины, 2 ножа, пинцет, топор-тесло	Чугунный котел, 3 сложносоставных предмета
Курган 4	8,5 м	0,75 м	На уровне дневной поверхности	Кремация	1 пара стремян, удила с псалиями, бронзовые бляхи	Бронзовая пряжка и обойма, железная пряжка, пинцет	Наконечник копья	

Как видно из табл. 1, среди сооружений Аймырлыг II значительная часть «курганов» (17) вовсе лишена и инвентаря, и каких бы то ни было останков. Оставшиеся сооружения довольно уверенно можно разделить на собственно погребальные конструкции, содержащие следы кремации, и поминальные, не имеющие следов жженных костей, – и тех, и других по 14 [Овчинникова, Длужневская, 2000, с. 23]. Авторы раскопок и публикации материалов памятника назвали Аймырлыг II «дружинным кладбищем» – однако, за исключением небольшого числа наконечников стрел, никаких специфических предметов воинского вооружения на комплексе не найдено.

Нетрудно заметить, что погребения в Тора-Тал-Арты демонстрируют большее разнообразие и размеров могильных насыпей, и инвентаря – отчетливо выделяются воинские наборы в кургане СХ-59-17 и захоронении под курганом Сх-59-4, его Л. Г. Нечаева интерпретирует по количеству мечей и наборов конской амуниции как групповое захоронение трех воинов (табл. 2) [Нечаева, 1966, с. 109]. Погребения из Эйлиг-Хем III в этой связи демонстрируют еще большую социальную дифференциацию [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 7–12, 22–44].

Из данных видно, что определенные ранее как «элитные» погребения из Эйлиг-Хема III отличаются от материалов Тора-Тал-Арты и Аймырлыг II и размерами насыпей, и богатством инвентаря. Однако, прежде чем рассмотреть конкретные характеристики, следует сделать две важные оговорки. Во-первых, нельзя забывать, что погребальный обряд енисейских кыргызов – кремация на стороне – накладывает серьезные ограничения на сохранность большинства предметов инвентаря. Фактически полностью отсутствует, за исключением предметов из рога и кости, органический материал. На отдельных погребениях (напр., СХ-59-11 из Тора-Тал-Арты) обнаружены обширные фрагменты расплавленной бронзовой массы – так что условия осуществления кремации и температура костра могут вносить существенные искажения даже в такой относительно надежный показатель, как содержание металлических предметов в могиле.

Во-вторых, следует помнить, что погребальный обряд – это материальное выражение *культурных представлений*, а не *производственных возможностей* того или иного общества (хотя в известном смысле они связаны). Особенно важно с осторожностью подходить к количественным показателям и учитывать факторы региональной и хронологической изменчивости представлений о том, что следует положить под курган умершему: так, к примеру, обратившись к хакасским материалам, можно заметить, что насыпи погребений второго типа, достигавшие 25 м, выделенные Л. А. Евтюховой, превышают самые крупные «элитные» курганы из Тувы примерно в два раза (кург. 2, 3 из Эйлиг-Хем III – 13,5 и 10 м соответственно) [Евтюхова, 1948, с. 14–15]. Репрезентация инвентаря и других характеристик памятника отражает, в первую очередь, *представления*, которые могли (под влиянием разных факторов, в т. ч. экономических) претерпевать некоторые изменения.

Сделав эти два замечания, можно перейти к некоторым выводам.

Размеры насыпи, хоть и демонстрируют относительную «эгалитарность» в сравнении с предшествующими культурами, все же явно находят корреляцию между стату-

сом погребения и размерами насыпи: курганы Эйлиг-Хем III с большим количеством инвентаря в 3–5 раз превышают в размерах рядовые насыпи из Аймырлыг II. Насыпи из Тора-Тал-Арты при этом демонстрируют большее разнообразие: в то время как в скромном по размерам (3 м) кургане СХ-59-17 располагалось погребение с обильным воинским инвентарем, включающим даже палаш, в превышающем его более чем в 2 раза кургане СХ-59-10 (8 м) были лишь предметы поясного набора (возможно, погребение женское). Интересен в этой связи курган СХ-59-4: он обладает довольно большими размерами (6,5 м), явно выделяясь среди «рядовых», но по количеству инвентаря опережает даже СХ-59-17 и приближается к самым «элитным» эйлиг-хемским, однако, скорее всего, этот курган воздвигнут в память не одного, а сразу троих человек, так что в типологическом отношении он стоит ближе к кургану СХ-59-17.

Глубина погребальной ямы, традиционно небольшая для енисейских кыргызов, не обнаруживает корреляции со статусом погребенных: если для рядовых могил на Аймырлыг II характерна глубина 0,3–0,4 м, то самые высокоранговые погребения Эйлиг-Хема представляют собой серию местонахождений (до 5) под телом кургана на уровне древней дневной поверхности – такой же способ помещения останков встречается и на Аймырлыг II, известен и в одном кургане на Тора-Тал-Арты (СХ-59-16). Впрочем, возможно, это свидетельство некоторых вариантов различий культурных практик. Л. А. Евтюховой на хакасском материале был выделен тип 3 погребений, включающий в себя имитацию могильной ямы в человеческий рост, куда помещались кремированные останки [Евтюхова, 1948, с. 53–59]: крупные ямы глубиной около 0,4 м, занимавшие всю площадь под небольшими курганными насыпями, есть на Аймырлыг II (табл. 1, курганы 31–33). В свою очередь, в эйлиг-хемском кургане 2 посреди зольного пятна был обнаружен обгорелый ствол, нетипичный для кыргызской кремации на стороне – ранние аналогии ему есть в Хакасии (курган 6 у с. Тесь) [Евтюхова, 1948, с. 11], поздние, XI–XIII вв., – в Среднем Причумылье (курган 14 Калмакского могильника, курган 52 Змеинкинского могильника), где обнаружены следы подкурганных конструкций из дерева со следами воздействия огня [Беликова, 1996, с. 28, 46].

В качестве интерпретации различий в глубине помещения останков у енисейских кыргызов Л. Р. Кызласовым было выдвинуто смелое предположение: ученый посчитал постепенное уменьшение глубины захоронения жженных костей влиянием манихейства, где останки человека не должны касаться земли [Кызласов, 2003, с. 249–250; 2006, с. 140–141]. Хотя манихейский погребальный обряд, особенно на Востоке, остается слабо изученным, исследованные недавно примеры погребений из манихейского кладбища IV в. н. э. в Келлисе (Верхний Египет) свидетельствуют о существовании различных вариаций обряда ингумации – захоронения останков в склепе на особых погребальных ложах или заворачивании тела в саван [Brand, 2022, p. 250–251]. Все это заметно отличается от обряда кремации, характерного для енисейских кыргызов.

Инвентарь погребений позволяет выделить три категории захоронений, различающихся социальным рангом: в первую входят безынвентарные либо содержащие ми-

нимальный набор предметов: 1–2 наконечника стрел, нож, поясную пряжку, часть конского снаряжения – предметы явно выступали в качестве символов, при обряде не ставилось целью буквально «передать» покойному весь необходимый набор имущества для загробной жизни. Вероятно, это погребения простых кочевников, чьи экономические возможности не позволяли изымать из хозяйственного оборота значительное количество вещей. Могильник Аймырлыг II полностью состоит из погребений такого типа с минимальными отличиями в составе инвентаря, присутствуют такие погребения и на Тора-Тал-Арты (СХ-59-12, СХ-59-13, СХ-59-16).

Таблица 2

**Характеристика признаков рядовых кыргызских погребений Тувы
(по могильникам Аймырлыг II, Тора-Тал-Арты, Эйлиг-Хем III)**

Характеристика инвентаря/конструкции погребения	Среднее число признака/предметов в комплексе	Частота встречаемости признака
Диаметр насыпи	3,2 м (от 1,4 до 4 м)	100 %
Нож	1	47,3 % (в 9 погребениях из 19)
Наконечники стрел	2 (от 1 до 5)	42,1 % (в 8 погребениях из 19)
Инструменты (тесло, напильник, мусат, кресало)	1	31,5 % (в 6 погребениях из 19)
Конское снаряжение (стремена, удила, псалии – не меньше 2 из 3 вещей в наборе)	1 комплект: 2 стремена, удила с псалиями	31,5 % (в 6 погребениях из 19)
Фрагменты керамики	Остатки 1 сосуда	26,3 % (в 5 погребениях из 19)

Вторая категория носит явный профессиональный окрас – это погребения с полным набором воинского снаряжения: палашами, большим количеством наконечников стрел, художественно оформленными наборными поясами. Список предметов здесь может варьироваться: остатки пластинчатого доспеха, тесло, наконечник копья, накладки от лука, инструменты – ножи, мусаты, напильники. Встречаются и другие элементы походной жизни, такие как остатки железных котлов (Тора-Тал-Арты, СХ-59-17). Конское снаряжение, как правило, представляет собой полный комплект сбруи (стремена, удила, псалии) на одного коня. Из материалов Хакасии известны находки седел [Худяков, 1982, с. 156–157]. В этой группе, однако, есть примеры явно воинских погребений, в которых конское снаряжение полностью отсутствует, – курган СХ-59-17 в Тора-Тал-Арты. Связано ли это с какими-то обстоятельствами жизни или смерти погребенного лица либо носит какое-то символическое значение – вопрос для отдельного исследова-

ния «безлошадных» погребений кочевников. Размеры погребальной насыпи на захоронениях второй категории могут сильно варьироваться: от «стандартного» небольшого на том же кургане СХ-59-17 до достаточно крупного на СХ-59-4. Однако вероятное погребение в этом кургане трех человек позволяет выдвинуть предположение, что данная категория отмечает людей не столько с выдающимся прижизненным статусом, сколько отличившихся обстоятельствами смерти – скорее всего, одновременное захоронение трех человек с оружием в СХ-59-4 отмечает погибших в бою воинов, которым таким образом соплеменники могли выразить дань уважения.

Таблица 3

**Характеристика признаков воинских кыргызских погребений Тувы
(по могильникам Аймырлыг II, Тора-Тал-Арты, Эйлиг-Хем III)**

Характеристика инвентаря/конструкции погребения	Среднее число признака/предметов в комплексе	Частота встречаемости признака
Диаметр насыпи	4,5 м (от 3 до 6,5 м)	100%
Наконечники стрел и/или костяные шарики-свистунки	4 (от 1 до 11)	100 %
Меч	1 (от 0 до 3)	66,6 % (в 2 погребениях из 3)
Накладки лука	1 комплект (от 0 до 3)	66,6 % (в 2 погребениях из 3)
Остатки чешуйчатого доспеха	1	66,6 % (в 2 погребениях из 3)
Инструменты (тесло, напильник, мусат, кресало)	2 (от 0 до 3)	66,6 % (в 2 погребениях из 3)
Нож	1 (3 в кургане с погребением трех человек)	33,3 % (в 1 погребении из 3)
Конское снаряжение (стремена, удила, псалии – не меньше 2 из 3 вещей в наборе)	1 либо отсутствуют	33,3 % (в 1 погребении из 3)

Наконец, третья категория, которую представляют все курганы могильника Эйлиг-Хем III, – элитарные погребальные комплексы, сочетающие в себе большие курганные насыпи (табл. 1: 8–13 м, в 3–5 раз превосходят размеры «рядовых») и комплекс вооружения, схожий по составу с могилами категории 2, но отличающийся большим количеством и разнообразием предметов: в то время как в других эйлиг-хемских курганах число наконечников – около 20, курган 1 содержит 50 наконечников различных форм, что превышает средний показатель в 2,5 раза.

**Характеристика признаков элитных кыргызских погребений Тувы
(по могильникам Аймырлыг II, Тора-Тал-Арты, Эйлиг-Хем III)**

Характеристика инвентаря/конструкции погребения	Среднее число признака/предметов в комплексе	Частота встречаемости признака
Диаметр насыпи	9,7 м (от 8 до 13,5 м)	100 %
Конское снаряжение (стремена, удила, псалии – не меньше 2 из 3 вещей в наборе)	3 либо 2 комплекта	80 % (в 4 погребениях из 5)
Наконечники стрел и/или костяные шарики-свистунки	18,4 (от 0 до 50)	60 % (в 3 погребениях из 5)
Нож	2	60 % (в 3 погребениях из 5)
Остатки доспеха (чешуйчатый, пластинчатый, кольчужный)	Остатки доспеха 1 типа	60 % (в 3 погребениях из 5)
Инструменты (тесло, напильник, мусат, кресало)	1 или 2	60 % (в 3 погребениях из 5)
Поминальная стела с надписью-эпитафией	1	40 % (в 2 погребениях из 5)
Наконечник копья	1	40 % (в 2 погребениях из 5)
Меч	1	40 % (в 2 погребениях из 5)

Показательный пример инвентаря, демонстрирующий высокий статус погребенного, – сабля из кургана 2: трофей либо предмет импорта с нанесенной арабской надписью – цитатой из Корана [Худяков, 2003, с. 14–16]. Эта показательная вещь имеет аналогии среди элитарного оружия Восточной Европы: «меч Карла Великого» и «сабля Хвойновского» [Фодор, Васильев, 2018, с. 93–95]. Еще один статусный предмет – серебряный кувшинчик на поддоне из того же погребения 2. Ему известен ряд аналогий в Горном Алтае и Туве [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 35]. Истоки традиции помещения в погребения сосудов из драгоценных металлов можно увидеть в Уйбатском чаатасе – элитарном погребальном комплексе I тыс. н. э., где был найден ряд серебряных и золотых сосудов, в т. ч. с надписями орхонским письмом: они представляли собой дары от подчиненных племенных групп высшей кыргызской знати [Евтюхова, 1948, с. 40–53], так что металлические сосуды могут рассматриваться как явный маркер престижа и часть «комплекса богатства». Возможно, так называемые кыргызские вазы – сделанные на гончарном круге сосуды со сложной орнаментацией, распространенные в Центральной Азии, – несут в качестве погребального дара тот же символический смысл [Азбелев, 2007, с. 145–157]. Находки сосудов этого типа встречаются и в кыр-

гызских памятниках Тувы: на могильнике Ак-Хавак «кыргызская ваза» обнаружена в одном комплексе с серебряным сосудом под насыпью внушительного размера (курган 2) [Монгуш, Монгуш, 2020, с. 59–65].

Эпитафии эйлиг-хемских стел позволяют соотнести комплексы инвентаря погребенных лиц – Карши и Багыра, с их статусом в военной иерархии кыргызов: формульные выражения *jüz ĩnal qadařım* и *jüz ār* («сто мужей») говорят о них как о командующих объединениями из сотни воинов [Кормушин, 2008, с. 150, 152]. Следовательно, кроме выделенного элитарного комплекса, в обществе енисейских кыргызов можно предположить существование еще двух социальных рангов – командующих тысячей и туменом (вероятно, представлявших ближайшее окружение и родственников кагана).

Среди других маркеров, на которые не так часто обращалось внимание, можно выделить такую архитектурную особенность некоторых курганов, как установленные у насыпи в вертикальном положении крупные камни (Тора-Тал-Арты, СХ-59-6), вероятно, являвшиеся упрощенной и уменьшенной версией хакасских чаатасов, – исследователями подмечены подражания устройству хакасских курганов с кольцевидными каменными набросами [Нечаева, 1966, с. 140–141]. Стелы с надписями при курганах (Эйлиг-Хем III), вероятно, отражают то же символическое значение.

Наконец, обстоятельство, на которое почти не обращалось внимание исследователей, – *пространство* вокруг захоронений. Все три рассматриваемых памятника представляют собой поля погребений разных эпох. Такое расположение кыргызских кладбищ может быть интерпретировано как легитимация своего положения на земле Тувы через преемственность – в случае же с синхронными могилами иного происхождения можно говорить об относительно спокойном сосуществовании. Как показали исследования 1981–1983 гг. в районе с. Новый Эйлиг-Хем, кыргызские погребения были оставлены посреди поля могильников скифской эпохи – некоторые из погребальных насыпей достигали в размерах 30 м [Длужневская, 1983, с. 41–45; Длужневская, 1985, с. 201–202]. Это дает основание предположить, что создатели кыргызских курганов стремились захоронить свою знать в соответствующем ее статусу месте – среди элиты предыдущих эпох. Примеры участков, объединяющих в одном памятнике высокостатусные захоронения разного времени, известны у енисейских кыргызов – погребальный комплекс Уйбатского чаатаса возник еще в таштыкскую эпоху и функционировал до IX–X вв. [Евтюхова, 1948, с. 18–30]. Порой такие элитные участки погребальных комплексов образовывались и функционировали в связи с контролем местной элиты над значимыми торговыми путями: к примеру, на Северном Кавказе известен сармато-аланский могильник Клин-Яр, участок с элитарными погребениями, который непрерывно функционировал на протяжении 300–350 лет и был связан с контролем местного населения над участком Великого Шелкового пути [Härke, Belinskij, 2012, p. 135–143]. Район Тувы, где расположен могильник Эйлиг-Хем III, лежит у начала Саянского каньона – важного коридора, соединяющего Хакасию и Туву. Возможно, появление элитарных кыргызских погребений в этом месте на правом берегу Енисея было символическим актом закрепления своего влияния в этих местах.

Рассмотрение сводных таблиц по кыргызским памятниками микрорегиона Центральной Тувы позволило выделить ряд показателей, отражающих высокий социальный ранг погребения – размеры погребальной насыпи, сочетание предметов вооружения и конского снаряжения – «комплекса власти» с престижными маркерами – сосудами из драгоценных металлов («комплекс богатства»).

Таблица 5

Характеристика социальных рангов в кыргызских погребениях Тувы

Социальный ранг погребения	№ погребения, могильника	% от общего числа погребений	Основные характеристики инвентаря и конструкции погребения	Вариативность комплекса (средняя частота встречаемости характеристик)
Рядовые	19 погребений: Аймырлыг II – 1–4, 12–13, 15, 18–19, 24, 31–33, 35; Тора-Тал-Арты – СХ-59-6, СХ-59-11, СХ-59-12, СХ-59-13, СХ-59-16	70,4 %	Насыпь диаметром около 3,2 м, ок. 2 наконечников стрел, 1 нож, 1 инструмент, 1 набор конского снаряжения	46,45 %
Воинские	Тора-Тал-Арты – СХ-59-4, СХ-59-17, СХ-59-18	11,1 %	Насыпь диаметром около 4,5 м, ок. 4 наконечников стрел, 1 комплект накладок на лук, 1 меч, остатки чешуйчатого доспеха, 1 нож, 2 инструмента, 1 набор конского снаряжения	66,6 %
Элитные	Эйлиг-Хем III – кург. 1–4; Тора-Тал-Арты – СХ-59-10	18,5 %	Насыпь диаметром около 9,7 м, ок. 18 наконечников стрел, 1 меч, 1 наконечник копья, остатки доспеха, 2 ножа, 1 либо 2 инструмента, 3 либо 2 комплекта конского снаряжения; поминальная стела с эпитафией	60 %

К прочим маркерам можно отнести расположение кургана среди других высоко-статусных погребений – как собственно кыргызских, так и принадлежащих другим культурам, а также репрезентацию обряда установки поминальных знаков – подражаний чаатасам либо установку стел с эпитафиями. Среди кыргызских захоронений удалось также выделить памятники с «комплексом власти», не отличающиеся большими размерами, которые, возможно, отражают получение высокого статуса после смерти – например, гибели воина в бою. Кроме того, был обнаружен показатель, указывающий на различия погребального обряда, не связанные с социальным ранжированием, – помещение останков в небольшую яму либо на уровень древней дневной поверхности, на который еще предстоит обратить внимание в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев П. П. Раннесредневековые центральноазиатские вазы: декор и контекст // А. В.: сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 145–157.

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.

Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н. э. Поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – С. 49–52.

Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – М.: Фондамента-пресс, 1998. – 84 с.

Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. – Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – 224 с.

Длужневская Г. В. Средневековые погребения с трупосожжением в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС // Древние культуры евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 41–45.

Длужневская Г. В. Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 201–202.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: Советская Хакасия, 1948. – 109 с.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 168 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 348 с.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 126 с.

Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 193–211.

Кызласов Л. Р. Манихейское мировоззрение и раннесредневековые археологические памятники // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 249–250.

Кызласов Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2006. – № 2. – С. 138–150.

Марсадолов Л. С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н. э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат-лы Всерос. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 96–99.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 192 с.

Монгуш К. М., Монгуш М. А. Курганы эпохи енисейских кыргызов могильников Хут и Ак-Хавак в Туве (материалы раскопок М. Х. Маннай-оола 1968 года) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2020. – Вып. 11. – С. 55–68.

Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКАЭЭ. – Т. II. – М.: Наука, 1966. – С. 108–142.

Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В. «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг II). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – 50 с.

Серёгин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок (по материалам погребальных комплексов) // КСИА. – Вып. 229. – 2013. – С. 71–83.

Фодор И., Васильев Д. Д. Где обрел свою саблю Багыр? Восточно-европейские трофеи у кочевников Центра Азии // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7. Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. – М.: ИВ РАН, 2018. – С. 88–100.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 239 с.

Худяков Ю. С. Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 192 с.

Щавелёв А. С. Карта вождества X в. в Верхнем Поднепровье: к методике пространственной реконструкции архаических политий // ЭНОЖ «История». – 2022. – Т. 13. Культура текста: книга, карта, документ. – Вып. 8 (118). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840022563-8-1/> (дата обращения: 06.01.2024).

Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 330 с.

Brand M. Religion and the Everyday Life of Manichaeans in Kellis. Leiden, Boston: Brill. 409 p.

Härke H., Belinskij A. The «elite plot» in the cemetery of Klin-Yar (Russia): The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? // Chronica. Annual of the Institute of History, University of Szeged. 2012. № 11. Pp. 135–143.

A. N. Vasilev

Higher School of Economics, Moscow

CRITERIA OF ELITE BURIALS OF TUVA IN THE KYRGYZ TIME

The article examines the issue of criteria for identifying an elite burial complex in the Kyrgyz sites of Tuva. The view of burial as a cultural phenomenon made it possible to abandon direct extrapolations of the composition of the grave goods to the material level of the buried persons. There is considered composition of three funerary monuments in Central Tuva microregion: Eilig-Khem III, Aimyrlyg II and Tora-Tal-Arty. Comparison of the grave goods due to the proximity of the burial grounds to each other in terms of ritual and time of creation (9th – early 11th centuries) made it possible to identify 3 social strata – ordinary burials, burials with a military complex and elite burials, distinguished by the special richness of the

grave goods and the presence of specific prestigious items– «wealth complex». The size of the burial mound and its location among the burial structures of previous eras on the same burial site were also identified as significant signs of the social ranking of burials. The data of these indicators differ from analogues in the Minusinsk Basin and, accordingly, can be considered as elements of a specifically Tuvan complex of cultural features of the Yenisei Kyrgyz.

Key words: Yenisei Kyrgyz, Tuva, elite burials, burial mound, Eilig-Khem III, Aimyrlyg II, Tora-Tal-Arty.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Арсений Николаевич, студент, 2-й курс магистратуры «Античная и восточная археология», Центр античной и восточной археологии, Высшая школа экономики; стажер-исследователь, Международный центр антропологии, Высшая школа экономики. E-mail: vasilev.brk@gmail.com

Vasilev Arseny Nikolaevich, student, 2nd year master's program "Classical and Oriental Archeology", Centre of Classical and Oriental Archeology, Higher School of Economics; Research intern, International Centre of Anthropology, Higher School of Economics (Moscow, Russia)